

Митрополит Костромской и Нерехтский Ферапонт

Государственная власть и культурное развитие в России – исторический экскурс

Доклад на парламентской секции регионального этапа Рождественских чтений
2023-2024 гг. «Православие и отечественная культура: потери и приобретения
минувшего, образ будущего»
Костромская областная дума, 16.01.2024 г.

Тема нынешних чтений прямо направляет нас на рассмотрение связи Православия и отечественной культуры в историческом аспекте с целью начертать из этого опыта благоприятный образ будущего и увидеть пути его достижения.

Видится, что основой культуры является мировоззрение. Именно это мы имеем ввиду, когда говорим о культурном коде или национальном менталитете. Можно утверждать, что Православие и стало основой нашего менталитета, и центральным приобретением нашей культуры. В этом небольшом сообщении я постараюсь поделиться своими мыслями о влиянии на русскую культуру государственной власти в лице некоторых ее представителей.

Более тысячи лет назад великий князь Владимир после серьезных политических, культурный и духовных поисков, которые несколько анекдотично выражены у Карамзина, сделал значительный шаг, во многом оформивший и определивший на века самобытность Руси. Шаг этот не был капризом реформатора, а был насущной нуждой молодого, но разнообразного и могучего общественного организма. Нам известно из исторических источников, что тогдашний путь из варяг в греки, на котором и утверждалась Русь, был местом пересечения множества культур и интересов, местом встречи разных религиозных и политических традиций. И решительная начальная попытка князя дать своему народу как ориентир широкий синтез языческих культур, не только славянских, но, как нам говорит исторический анализ тогдашнего киевского пантеона, и скандинавских, и степных и многообразных восточных, не дали ни новой могучей культуры, ни объединения народов Руси, ни покоя душе самого реформатора. И в этом Церковь видит особый промысел Бога о нашей стране. Продемонстрировав великую силу и народа, и его правителя,

показав, что эта сила не может быть по-настоящему направлена и освящена ничем, кроме настоящего благословения Божьего, Промысл Всевышнего направляет Владимира в Крым, откуда он возвращается уже энергичным деятелем Православия, принося с собой не только христианское благовестие и православные святыни, но и тысячелетнюю восточнохристианскую культуру. И в нынешних чтениях, следуя за темой, интересно посмотреть на великого Крестителя Руси не только как на политического и религиозного деятеля, но и как на человека, сильно повлиявшего на культурную жизнь огромной части Европы и Азии на века вперед.

Действительно, Древняя Русь получила при Владимире аппарат великой и развитой культуры, причем уже адаптированной и процветающей в славянском мире, который помог сформировать в многоплеменном и даже многонациональном народе тогдашних еще весьма разрозненных земель, единую, самобытную и при этом великую, мирового масштаба культуру, которая связала это молодой еще политически и культурно народ со всем богатством древних великих культур.

Вместо этого разрозненного многообразия племенных и торговых культур появился вектор высокого делания во всех областях человеческого духа, которого Русь до Владимира не знала, и в котором Русь для своего величия нуждалась – культура Православия.

Иоанн Васильевич Грозный - один из самых известных и узнаваемых деятелей русской истории. Историческая оценка его личности и деятельности уже полтысячи лет не только занимает, но и будоражит умы.

Действительно, фигура могучая, неоднозначная, драматическая и многообразно одаренная. Не только правитель и полководец, не только политический деятель, но и писатель, композитор, мыслитель. Его двоякий образ, так мастерски и надолго данный Карамзиным, во многом объясняется культурой времени, в котором он жил и действовал. Это образ титанической натуры эпохи Возрождения, такой, как изобразил ее в своих лекциях Алексей Федорович Лосев, натуры могучей и страстной, утверждающей свою индивидуальность всеми подвластными средствами.

Не надо забывать, что эта эпоха была и эпохой массового распространения печати, а значит тогдашние политики чуть не впервые кроме официального исторического образа получили образ созданный и распространенный пропагандой, который иногда становился не менее влиятельным чем образ реальный.

Но мы здесь хотим остановиться на культуре и том опасном прецеденте, который Иоанн IV, будучи и в лучшем, и в худшем смысле настоящим европейским государем, обозначил в нашей истории. Действительно, его отцы и праотцы на московском престоле не обладали такой яркой личной индивидуальностью и запомнились в основном как политики разной степени успешности. Их влияние на культуру не было целенаправленным или индивидуально обусловленным, они держались форм, освященных еще святым Владимиром и Ярославом Мудрым, поддерживая и развивая высокую церковную культуру через храмостроительство и заботу о монастырях.

Иоанн IV, как и было заведено в эпоху Возрождения, впервые возможно в русской Истории пытается оттеснить Церковь не только от самостоятельной общественной деятельности, но и создать культуру центром которой не будет Церковь. Ему казалось, и это видно не только из его конфликта со святым Филиппом Московским, но и из его историко-политических трудов, что церковная община не должна никоим образом связывать или ограничивать Государя, он считал свое царское помазание индивидуальным харизматическим даром, не подотчетным никому, даже священству, видя в Церкви лишь социально-просветительские и сакральные функции. И это было одной из причин, по которой в России после смерти Иоанна не было внутреннего мира и единства, поскольку он не только триумфально завершил объединение государства и включение земель Орды, но и обострил внутренние противоречия в русском обществе.

Противоречия эти были смыты кровью Смуты, которая потребовала невиданного объединения всех сил государства. И после Смуты государство Российское ведется первыми Романовыми по пути симфонии, созвучия, при первенстве национальной, православной в своей основе, культуры, которая служит мерилom и фильтром для внешних культурных заимствований, которых в эпоху национального подъема 17 века происходит множество, не только с православного Востока, но и с Запада, и из мусульманских стран.

Роль новаторства Петра I во многом преувеличивается, он имел в лице своего отца и деда очевидных предшественников. Послесмутное возвращение России в западнорусские, украинские и белорусские земли, возвращение трудное, но и триумфальное, если просто взглянуть на карту, потребовало и новой армии, и новой дипломатии, и новых навыков культуры. Все это делалось и делалось постоянно. Мало известны широкой публике такие инициативы, бывшие еще при Алексее Михайловиче, как широкая модернизация армии,

попытка постройки флота, смена придворного платья — все это предвестия дел Петра. Мало говорят и о семье, в которой вырос первый русский император, которая представляла совершенно новый для России домашний интеллектуальный кружок, где интересовались поэзией, театром, изящными искусствами. Культурное развитие не было чуждо русским дворянам и до Петра, и до его реформ культура тоже не замыкалась только в монашеских кельях, и до него был интерес к новым зарубежным достижениям науки и искусства. Но до Петра это имело скорее техническое и развивающее значение, никак не ставило под вопрос самобытность и основательность родной культуры. И кроме того, ни одно из правительств до петровского не решалось ввести такие широкие культурные вестернизирующие и унифицирующие изменения в культуру масс народа. До Петра источником и мерилем культурных смыслов всегда было православие, не как идеология или правящий курс, но как мировоззрение.

При Петре идея православной монархии меняется на идею монархии сословной, церковные дела начинают восприниматься в свете компромисса европейских религиозных войн: «чья власть, того и вера». Государь становится не только защитником веры, но и главным церковным распорядителем в протестантском немецком духе. При чем это переворот отнюдь не вероучительный, монархи и страна остаются православными, но именно переворот культурный. Теперь царь и дворянство решают, что хорошо, а что плохо, что для пользы государства допустимо, а что должно жестко контролироваться.

И это не только подрывает идею монархии как дела, превышающего человеческие установления, дело помазания Божьего, но и ставит правящую элиту выше веры, отрывает ее от источника национальной культуры и самобытности. Поэтому после национального подъема 17 века наступает блистательный в своей истории, но копирующий Запад в своей культуре век 18, за которым следует век 19й, полный вопросами национальной и культурной идентичности, которые не затихли и сейчас. Церковь, лишенная в обществе своего учительного и культурного места, находится в подчиненном новому курсу положении и сильно ослаблена во влиянии, стараясь сохранить хоть некоторое единство общества.

В начале 20го века противоречия разрывают Российскую империю, что становится трагедией для населяющих ее сотен миллионов людей. При этом трагедия разрушения многовековых православных устоев совпало с

оживлением и православной мысли, усвоения ею уроков западной науки и философии, попыток построения новой, послесинодальной церковной жизни. Процесс этот был противоречивым, и если в жизни Церкви он во многом был насильственно прерван, то в жизни государства оказалось, что без опоры на серьезную историческую традицию никакие новые теоретические воззрения не могут стать основой ежедневного бытия народа. Поэтому мы видим сегодня довольно быстрое, в чем-то вынужденное, возвращение к истокам, поскольку попытка в разных формах отрицать собственные корни дорого обошлась нашему обществу.

Итак, возвращаясь напрямую к теме нашей конференции, можно подытожить экскурс в прошлое. Приобретением нашей культуры явилось православие, с его книжностью, гармоничной архитектурой, церковной музыкой и всемирным мировоззрением. Приобретением для православия явился великий народ, с семьей близких народов и те таланты, которые были в них вложены. Потерей стала утрата корней в погоне за мировым успехом, попытка получить извне то, чего, казалось, не хватает внутри, вместо того, чтобы вырастить это, ориентируясь на внешний опыт. Правильное понимание этого нашего богатства и этих потерь помогает нам ориентироваться сегодня при выборе путей развития.